

A woman with long brown hair, wearing a light-colored coat, stands with her back to the camera in a dark, abandoned library. She is looking down a long aisle lined with tall wooden bookshelves filled with old, weathered books. At the end of the aisle is a large, arched window with a grid of panes, through which some bare trees are visible. The floor is covered in dust and debris. The overall atmosphere is mysterious and somber.

Лиса Лискина

Рецепт смерти

Лиса Лискина

Рецепт смерти

«Автор»

2025

Лискина Л.

Рецепт смерти / Л. Лискина — «Автор», 2025

У каждого преступления есть свой рецепт. Алиса искала уединения, устроившись архивариусом в заброшенную клинику «Тишина». Её миром должны были стать пыльные папки и старые медицинские карты. Пока она не нашла одну из них — с грифом «Уничтожить» и странной пометкой в графе «Диагноз»: «Рецепт №13». На следующее утро папка исчезла. А потом кто-то подбросил ей в сумку настоящий рецептурный бланк, где вместо названия лекарства было выведено четким почерком: «Молчи. Или станешь следующим пунктом в протоколе». Когда в старом процедурном кабинете находят тело главврача, который когда-то работал в клинике, Алиса понимает: «Рецепт №13» — это не метафора. Кто-то приводит его в исполнение. И чтобы не стать следующей жертвой, ей придется самой поставить диагноз этому месту и найти убийцу, который уже выписал ей смертельный приговор.

© Лискина Л., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1. ПЫЛЬНЫЕ ВРАТА	7
ГЛАВА 2. ШЁПОТ В ПЫЛИ	9
ГЛАВА 3. ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ТИШИНОЙ	11
ГЛАВА 4. УРОКИ ТИШИНЫ	13
ГЛАВА 5. ЛАБОРАТОРИЯ БУМАЖНОГО КОШМАРА	15
ГЛАВА 6. КОГДА ПРОСЫПАЕТСЯ ТИШИНА	17
ГЛАВА 7. ЛАБИРИНТЫ ЗАБВЕНИЯ	19
ГЛАВА 8. ТЕНИ ПРОШЛОГО	24
ГЛАВА 9. НОЧЬ ОБРЕТЕННОГО ШЕПОТА	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лиса Лискина

Рецепт смерти

Самая страшная болезнь – это знание, от которого нет лекарства.

– Найдено в личном деле санатория «Тишина»

Пролог

1985 год. Санаторий «Тишина». Ночь.

Тишина в ночном санатории была обманчивой. Она не была пустой – она была густой, плотной, как сироп, и наполненной звуками, которых не должно было быть. Скрип половиц из закрытого крыла. Шёпот вентиляционных труб. Эхо давно забытых шагов в пустых коридорах.

Медсестра Вера Петрова совершала обход, плотнее кутаясь в халат. Не от холода – от ощущения, что за ней следят стены. Она привыкла к этому давящему чувству за пять лет работы в «Тишине». Но сегодня ночью что-то было иначе. Воздух вибрировал, будто перед грозой.

И вот он, звук, ворвавшийся в искусственное спокойствие, – приглушённый, прорывающийся сквозь стены крик. Не крик ужаса, а крик узнавания. Потом – глухой стук, и вновь наступила тишина. Ещё более зловещая, чем прежде.

Сердце Веры заколотилось где-то в горле. Крик донёсся из палаты № 13. Той самой, что всегда была заперта, чьи истории шептались в курилке старожилами.

Она подбежала к двери. Та была приоткрыта. Внутри, в свете одинокой лампы над койкой, сидел пациент – Иван Петров. Он был привязан к спинке кровати, его глаза, полные немого ужаса, смотрели в пустоту. В его руке судорожно сжимался клочок бумаги. Он что-то беззвучно шептал, его губы синели.

– Что с вами? – бросилась к нему Вера, хватая его за запястье, пытаясь нащупать пульс.

– Он... не лекарство... – прохрипел он, впиваясь в неё пальцами. – Это... рецепт... Петров резко повернул к ней голову. Его взгляд был абсолютно ясным и пронзительным.

– ...смерти... Он сунул ей в руку смятый листок. Пальцы его ослабели. Последний выдох вышел из его груди вместе со словом, которое Вера разобрала с трудом:

В дверях появилась высокая тень. Главный врач санатория, Виктор Сергеевич Орлов. Его лицо, обычно невозмутимое, было искажено холодной яростью.

– Что здесь происходит? – его голос прозвучал как удар хлыста.

Вера, онемев, протянула ему бумажку. Орлов выхватил её, пробежал глазами. Кровь отхлынула от его лица, оставив кожу землисто-серой. Он медленно, с невероятным усилием, разорвал листок на мелкие кусочки.

– Ничего не произошло, Петрова, – сказал он, и в его голосе не было места возражениям. – У пациента случился острый инфаркт. Ты ничего не видела и не слышала. Никакого крика. Никаких бумажек. Понятно?

Его глаза были ледяными. В них не было просьбы – был приказ. Приказ, за которым стояло нечто такое, от чего у Веры похолодела душа.

– Понятно, – прошептала она, глядя, как белые клочки бумаги усыпают пол, словно первые снежинки. На одном из них она успела разглядеть напечатанные слова: «Протокол применения...», и ниже, от руки, выведенную фразу: «Рецепт № 13».

Она поняла. Некоторые знания – это болезнь. Болезнь, от которой нет лекарства. Единственное лечение – молчание. И оно будет соблюдено. Ценой её собственного страха. Ценой этой ночи. Ценой правды, похороненной в стенах «Тишины».

ГЛАВА 1. ПЫЛЬНЫЕ ВРАТА

Санаторий «Тишина» встретил ее не молчанием, а протяжным, скрипучим вздохом, словно огромное существо, потревоженное в вековой спячке. Такси, мрачный бордовый седан, развернулось на заросшей гравийной площадке и укатило прочь, оставив Алису одну наедине с коваными воротами. Те были массивными, когда-то, видимо, величественными, но теперь краска облупилась, обнажив рыжую от ржавчины сталь, а позолоченные навершия в виде шишек потускнели и почернели. Сквозь прутья, как сквозь решётку, угадывалась аллея, убегающая вглубь парка. В конце её высился главный корпус – громада из серого камня с рядами тёмных, слепых окон. Он не просто стоял там; он владел этой территорией, нависая над увядшими осенними клёнами и елями с поникшими ветвями. Он напоминал не место для исцеления, а старого, уставшего зверя, который прилёг отдохнуть и не потрудившегося закрыть пасть.

«Уединение, – сурово напомнила себе Алиса, с силой поправляя ремень тяжёлой сумки с ноутбуком и парой книг «на первое время». – Именно этого я и хотела. Никаких звонков. Никаких вопросов. Никакого прошлого».

Хотела ли? Городской шум, от которого она бежала, она променяла на звенящую, давящую тишину, прерываемую лишь карканьем ворон, чьи чёрные силуэты казались случайными кляксами на бледном небе. Воздух был холодным, обжигающе-влажным, и он странно пах – не свежестью леса, а прелой хвоей, влажной землей и чем-то еще... сладковатым, лекарственным, приторным. Казалось, этот запах въелся в самый камень, в почву, в кору деревьев.

По её звонку в будке – сторожке что-то зашевелилось, и через мгновение появился мужчина. Он возник бесшумно, будто вырос из тени. Не сторож – хранитель. Лет семидесяти, не меньше, сгорбленный, в потёртом ватнике цвета грязи. Его лицо было испещрено глубокими морщинами, а движения – медленными, выверенными, словно он экономил каждое усилие.

– Здесь всегда всех ждут, – бессмысленно и потому особенно жутко ответил он, доставая из кармана огромный ржавый ключ. Он вставил его в массивный замок, и ворота с пронзительным, болезненным скрипом отворились, словно нехотя пропуская её внутрь. – Я Михаил Иванович. Проходите. – Алиса? Архивариус? – его голос был низким, сиплым, идеально подходящим к окружающему пейзажу. В нем не было ни капли приветствия. – Да. Меня должны были предупредить, – она почувствовала, как под взглядом его маленьких, глубоко посаженных глаз ей становится не по себе.

Дорога к корпусу по заросшей тропинке показалась бесконечной. Алиса чувствовала на себе его взгляд, тяжёлый и оценивающий, будто он проверял, выдержит ли она то, что ждет ее впереди. Спина у нее напряглась.

– С тех пор, как здесь перестали лечить, – последовал немедленный, отточенный ответ. – Давно здесь работаете? – спросила она, чтобы разрядить гнетущее молчание.

Она не нашла, что сказать на это. Казалось, любой вопрос наткнется на такую же глухую, обтекаемую стену.

Главный вход украшала некогда величественная, а ныне потрескавшаяся мозаика с изображением Гигеи, обвивающей змеей чашу. Двери были стеклянными, но слои грязи и пыли сделали их матовыми, непроницаемыми, как занавес. Михаил Иванович толкнул одну из створок, и та, с сопротивлением, подалась внутрь.

Запах ударил в нос – это был тот самый сладковатый лекарственный аромат, только здесь, в замкнутом пространстве, он стал густым, удушающим, смешанным с запахом пыли, старого дерева и влажной штукатурки. Потолки в вестибюле были такими высокими, что терялись в полумраке. С них свисала огромная люстра в стиле модерн, вся укутанная в саван из паутины. Призрачные очертания зачехлённой мебели, скульптуры с отбитыми руками, тёмное дерево

административной стойки – все это тонуло в сумерках, которые не мог развеять тусклый свет из грязных окон.

– Архив на втором этаже, – Михаил Иванович двинулся к широкой мраморной лестнице с обшарпанными балясинами. – Лифты не работают. Электричество экономят. Вам провели только в архив и в вашу комнату в корпусе. Батареи еле тёплые.

Поднимаясь по ступеням, Алиса заметила на стене в зоне отдыха портрет. Суровый мужчина в белом халате, с пронзительным, умным и безжалостным взглядом. Он смотрел прямо на зрителя, будто оценивая его на предмет болезни. Подпись на латунной табличке гласила: «Главный врач В.С. Орлов. 1970-1989».

Тот самый врач из пролога. Ледяная игла прошла по спине Алисы. Вот он, мост между тем страшным ночным происшествием и этим тихим, пыльным днём. Ещё одна ниточка, связывающая прошлое и настоящее.

– Кто-то умирает, кто-то остаётся, – произнёс он загадочно и, не добавляя больше ни слова, повёл её дальше по коридору. – Он ещё жив? Орлов? – не удержалась она, остановившись у портрета. Михаил Иванович, уже поднявшийся наверх, обернулся. Он посмотрел то на портрет, то на нее. Его лицо ничего не выразило.

Он привел её к массивной дубовой двери с табличкой «Архив. Вход воспрещен». Дверь тоже была заперта. Сторож достал из связки современный ключ-бабочку.

– Вот. Распишитесь, – он протянул ей потрепанную тетрадь в клеёночной обложке, раскрытую на странице с датой сегодняшнего числа. – Работайте. Я буду внизу. Если что... – он запнулся, будто подбирал слова, и в его глазах мелькнуло что-то, что Алиса не смогла прочесть. Не то предостережение, не то безразличие. – ...кричите. Громко. Эти стены... они хорошо передают звуки. И эхо.

Он развернулся и ушел, его мягкие шаги быстро растворились в гулкой тишине коридора.

Алиса осталась одна. Она глубоко вздохнула, повернула ключ, и замок щелкнул с сухим, громким звуком. Она толкнула дверь.

Комната была огромной, настоящим лабиринтом. Стеллажи из темного дерева уходили под самый потолок, они были забиты папками, картонными коробками, рулонами пожелтевших чертежей и какими-то медицинскими журналами. Пыль лежала повсюду толстым, бархатистым слоем; она вспархивала и кружилась в единственном слабом луче света, что пробивался сквозь огромное, но немытое окно. Воздух был спертый, мертвым, им было тяжело дышать. Это был не хаос, а застывший, систематизированный порядок забвения.

Она поставила сумку на единственный свободный угол огромного деревянного стола, стоявшего в центре, и провела пальцем по корешку ближайшей папки. Пыль легла серым налетом на кожу. На корешке было выведено чернилами: «Истории болезней. Отделение №2. 1984-1985».

Сердце у нее дрогнуло и замерло на секунду. Где-то здесь, среди этих тысяч страниц, среди этих молчаливых свидетельств, лежали ответы. На какие вопросы – она пока не знала. Не знала, что ищет. Но первое, отчетливое предчувствие, холодное и тревожное, скользнуло по спине, заставив похолодеть пальцы.

«Тишина» не была молчаливой. Она была полна шепота. Шёпота бумаг, шагов в прошлом и невысказанных тайн. И Алиса только что переступила ее порог. Обратной дороги, она чувствовала это кожей, уже не было.

ГЛАВА 2. ШЁПОТ В ПЫЛИ

Первые полчаса в архиве Алиса провела, просто осматриваясь. Она медленно ходила между бесконечными стеллажами, её пальцы скользили по шершавым, пыльным корешкам папок. «Отделение №1, 1970-1975», «Отделение №2, 1976-1980»... Архив был организован с удивительной, почти немецкой педантичностью, что странно контрастировало с всеобщим запустением. Этот порядок, запечатанный под слоем пыли, навел на мысль, что забвение здесь было не случайным, а тщательно спланированным.

Она чувствовала себя не архивариусом, а археологом, вскрывающим гробницу. Только вместо праха фараонов здесь покоились чужие боли, поставленные диагнозы и, как она все сильнее ощущала, чужие секреты. Воздух был спёртым и густым, им было тяжело дышать. Пыль стояла столбом в слабом свете, пробивавшемся сквозь громадное грязное окно, превращая каждый её шаг в медленное плавание в подводном царстве.

Она свернула за угол очередного стеллажа и замерла. В дальнем, самом тёмном углу комнаты, куда почти не достигал дневной свет, стоял не стеллаж, а небольшой картотечный шкаф. Он был старым, очень старым. Дерево потемнело почти до черноты, а латунные ручки покрылись густым зеленоватым налётом. На нем не было никаких опознавательных табличек, что выделяло его на фоне идеально подписанных полок.

Любопытство, тот самый профессиональный инстинкт, что привёл её в эту профессию, пересилил осторожность. Алиса подошла ближе. Шкаф казался инородным телом, чужим в этом упорядоченном пространстве. Она потянула на себя ручку одного из верхних ящиков. Та не поддавалась, заев намертво. Она надавила сильнее, уперась коленом в деревянную панель. Раздался сухой, скрипучий звук, и ящик с неохотой подался вперёд.

Внутри лежали не стандартные папки, а тонкие, сшитые вручную дела в картонных обложках. Они были тоньше и какими-то... казёнными. Она взяла первое, что попало под руку, ощутив под пальцами шершавую, потрескавшуюся от времени кожуру картона.

И в этот самый момент, когда её пальцы сомкнулись на обложке, раздался звук.

Резкий, неожиданный, разорвавший давящую тишину. Это не был скрип половиц. И не падение книги с полки. Это был глухой, влажный шлепок, доносящийся прямо из-за стены, против которой стоял шкаф. Точнее, не из-за стены, а словно бы в самой стене. Как будто что-то тяжёлое и мягкое упало на каменный пол в соседнем, замкнутом пространстве.

Алиса застыла, вцепившись в дело, её дыхание замерло. Сердце застучало где-то в висках, громко, назойливо, нарушая неестественную тишину архива. Звук был отвратительным, вызывающим физическую тошноту.

«Крыса, – тут же, почти отчаянно, попыталась убедить себя она. – Большая крыса. Или старый мусорный мешок с тряпками упал. Старое здание. Сквозняк».

Но её внутренний голос, всегда такой рациональный, на этот раз молчал. Потому что это был не тот звук, который издаёт падающий предмет. В нем была какая-то... органичность. Живая, но в то же время безжизненная тяжесть.

Прошла минута. Другая. В ушах стояла абсолютная, оглушительная тишина. Только её собственное дыхание, снова ставшее слышным, и пыль, медленно кружащаяся в луче света, как в гигантском снежном шаре.

«Показалось. Должно было показаться. От усталости, от дороги, от этой гнетущей атмосферы».

Она с силой тряхнула головой, пытаясь отогнать нарастающую паранойю, и перевела взгляд на дело в своих руках, как на якорь, способный удержать её в реальности. Оно было необычным. На обложке не было имени пациента или диагноза, только вытесненный номер:

«П-13». И ниже, штампом, стояли слова, от которых ее сердце снова ёкнуло: «Хранение бессрочное. Протокол №13».

«Рецепт №13». Фраза из кошмара умирающего пациента, которую она прочла в исторической справке о санатории, всплыла в памяти сама собой, холодной иглой. Это не могло быть простым совпадением. Номера совпадали. Тринадцать. Роковое число.

Пальцы ее слегка дрожали, когда она раскрыла картонную обложку. Внутри лежало всего несколько листов, пожелтевших по краям. Самый верхний был бланком наблюдений, но он кардинально отличался от стандартных медицинских форм. В графе «Объект» стоял прочерк. В графе «Ответственный» – размашистая, уверенная подпись, которую она уже видела сегодня: «В.С. Орлов». А в графе «Результат» – одна – единственная, отпечатанная на машинке фраза, от которой у Алисы похолодели пальцы и кровь отхлынула от лица:

«Фаза первая завершена. Побочные эффекты в пределах прогноза. Переход к фазе второй утверждаю».

Под этим – ещё одна та же самая подпись, ещё более резкая, будто поставленная в порыве гнева или торжества.

Она не понимала, что это значит, но каждое слово, каждая буква на этом листе источала ледяной, бездушный ужас. Это не было историей болезни. Это был... отчет. Сухой, бесчеловечный протокол какого-то эксперимента. Над кем? Или над чем?

И тут, как будто в ответ на её леденящие душу мысли, звук повторился. Снова. Тупой, мягкий удар. На этот раз чуть ближе. Прямо за стеной, у самого ее основания. И сразу за ним – короткий, металлический скрежет, будто что-то тяжелое и железное протащили по чугунной батарее, оставляя на ней царапины.

Крысы так не шумят. Никакие крысы. Даже стая гигантских крыс.

Алиса медленно, очень медленно, как в кошмарном сне, подняла голову и уставилась на стену, отделявшую ее от источника звука. Она была из грубого камня, покрытого слоем краски, которая давно потрескалась. Где-то там, в соседней, неизвестной ей комнате, или, что было еще страшнее, в полости внутри самой стены, кто-то был. Или что-то. И оно двигалось. Оно подавало знаки.

Она не дышала, вся превратившись в слух, пытаясь уловить малейший шорох, шаг, вздох. Но ничего. Только ее собственная кровь, стучавшая в ушах нарастающей, панической дробью.

«Кричите. Громко. Эти стены хорошо передают звуки. И эхо».

Слова Михаила Ивановича прозвучали в её памяти с пугающей ясностью. Это была не просьба, не вежливая рекомендация. Это было... предупреждение. Или инструкция?

Но она не посмела издать ни звука. Крик, казалось, мог разрушить хрупкое равновесие и выпустить на волю то, что скрывалось за камнем.

Прошло ещё десять мучительно долгих минут. Тишина вернулась, но теперь она была другой – натянутой, как струна, заряженной невидимой, но ощутимой угрозой. Алиса так и не нашла в себе сил сдвинуться с места. Она стояла, прислонившись спиной к холодному, почти живому дереву картотечного шкафа, сжимая в потных, холодных ладонях зловещее дело «П-13». Её взгляд был прикован к двери в коридор, и в её голове бились два противоборствующих страха: страх, что эта дверь сейчас откроется, впуслав неведомую опасность. И страх – гораздо более сильный и липкий, – что она не откроется никогда, навсегда заперев её здесь наедине с тихими шорохами прошлого и тем, что скреблось за стеной, подавляя панический крик, подступавший к горлу.

«Тишина» начала говорить с ней. И её первый, едва различимый шёпот был полон боли и чего-то невыразимо чужого и враждебного.

ГЛАВА 3. ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ТИШИНОЙ

Сколько она простояла так, прижавшись спиной к шкафу, Алиса не могла сказать. Время в архиве потеряло свою привычную упругость, растянулось, как пыльная паутина. Каждый мускул её тела застыл в напряжённом ожидании. Она вслушивалась в тишину так яростно, что начинало казаться, будто она слышит собственное кровообращение – тонкий, почти неслышимый шёпот крови в венах.

Но из-за стены больше не доносилось ни звука. Абсолютно ничего. Эта новая тишина была, пожалуй, страшнее предыдущих шумов. Она была выжидающей.

Страх, парализовавший её в первые минуты, медленно, с неохотой, начал отступать, уступая место трезвой, ледящей души мысли: «Ты не можешь стоять здесь вечно».

Осторожно, боясь снова нарушить хрупкое затишье, она оттолкнулась от шкафа. Ноги затекли и предательски подрагивали. Она сделала один неуверенный шаг, затем другой, по-прежнему не сводя глаз со стены. Ничего. Еще шаг. Она медленно, как воришка, двинулась к своему столу, не выпуская из рук дела «П-13». Оно стало для нее теперь не просто уликой, а каким-то оберегом, материальным доказательством того, что ей не померещилось.

Она опустила на стул, и только тогда позволила себе выдохнуть – долгий, прерывистый, дрожащий. Ладони были влажными, во рту пересохло. Нужно было думать. Логически анализировать.

Вариант первый: в санатории есть кто-то еще. Бродяга? Второй сторож? Но Михаил Иванович говорил, что электричество проводят только в архив и ее комнату. И звук был не похож на шаги. Он был... индустриальным. Механическим.

Вариант второй: старые коммуникации. Скрип труб, бульканье воды в давно неработающей системе. Но откуда тогда этот мягкий, органичный удар?

Вариант третий, самый нежелательный: ей начало казаться. Ее психика, истощенная переездом и гнетущей атмосферой, начала подкидывать ей кошмары наяву.

Она снова посмотрела на дело в своих руках. «Протокол №13». Подпись Орлова. Это было реально. Это было доказательством, что в «Тишине» творилось что-то темное. И, возможно, это «что-то» не закончилось. Оно просто затаилось.

Ей нужно было осмотреть здание. Не только архив. Нужно было понять планировку, найти то самое соседнее помещение. Мысль о том, чтобы выйти в коридор и снова погрузиться в полумрак, вызвала тошноту, но альтернативы не было. Сидеть и ждать повторения звуков она больше не могла.

Собрав волю в кулак, Алиса встала, положила дело «П-13» в свою сумку – она не могла оставить его здесь, – и направилась к двери. Рука сама потянулась к мобильному телефону в кармане. Без сигнала, конечно. Но сам холодный корпус в ладони давал призрачное ощущение безопасности.

Она приложила ухо к деревянной панели двери, затаив дыхание. Снаружи было тихо. Медленно, стараясь не производить ни малейшего шума, она повернула ключ и потянула дверь на себя.

Холодный воздух коридора встретил её, пахнувший уже знакомой смесью пыли и лекарственной сладости. Коридор был пуст. Длинный, тонущий в сумерках, он уходил в обе стороны. Та дверь, что вела на лестницу и дальше к выходу, была слева. А стена архива, из-за которой доносились звуки, уходила направо, вглубь здания, туда, где она ещё не была.

Именно туда ей и нужно было.

Алиса двинулась направо, ее шаги отдавались гулким эхом в абсолютной тишине. Она внимательно смотрела на стену, пытаясь найти дверь, люк, любое отверстие, которое могло бы вести в соседнее помещение. Но стена была глухой, монолитной, прерываясь лишь одинако-

выми тёмными дверями, ведущими, судя по табличкам, в какие-то кладовки и подсобки. Все они были заперты.

Она прошла почти до конца коридора, и тут же ее сердце упало. Коридор упирался в тупик. Глухую, заросшую паутиной стену с облупившейся краской. Никаких дверей. Никаких проходов.

Значит, звук мог донестись только из... смежного крыла. Но как? Она подошла к последней двери слева, прямо напротив той самой зловещей стены архива. Таблички на ней не было. Ручка была стальной, холодной. Она потянула ее, почти не надеясь.

Дверь поддалась.

Это был не кабинет и не кладовка. Это был длинный, прямой служебный коридор, ещё более тёмный и узкий. Он, как ей показалось, вёл параллельно главному коридору, вдоль всего крыла. И он был ледяным. Температура здесь была на добрых пять градусов ниже. Воздух стоял неподвижный, спёртый.

Алиса сделала шаг внутрь, и её нога со скрипом наступила на что-то мелкое и хрустящее, рассыпанное по полу. Она наклонилась, щурясь в полумраке. Это были осколки. Маленькие, прозрачные осколки стекла от ампул. Десятки, сотни их.

И тут её взгляд упал на противоположную стену этого служебного коридора. И она все поняла.

В стене, точно в том месте, где в архиве стоял картотечный шкаф, зиял прямоугольный провал. Когда-то здесь, видимо, был заделан проем. Кто-то пробил в нем грубую дыру, достаточно широкую, чтобы пролезть человеку. Края кирпичной кладки были неровными, свежими, без паутины и вековой пыли. Из чёрного зева дыры тянуло затхлым, мертвенным холодом и слабым, но отчётливым запахом хлорки и чего-то кислого, напоминающего о несвежем мясе.

Это было оно. Проход. Лаз.

И он явно использовался. И очень недавно.

Алиса замерла на пороге, в двух шагах от этой чёрной дыры в стене, ведущей в неизвестность. Ее разум кричал, чтобы она бежала. Но ноги будто приросли к полу. Она смотрела в этот провал, и ей казалось, что из его глубины на неё смотрят в ответ.

– Нашли что-нибудь интересное? – раздался прямо за её спиной низкий, сиплый голос.

Алиса вскрикнула от неожиданности, подпрыгнув на месте, и резко обернулась, прижимаясь спиной к косяку двери.

В проёме стоял Михаил Иванович. Он смотрел на неё своими маленькими, блестящими в полумраке глазами. И на его лице не было ни капли удивления.

ГЛАВА 4. УРОКИ ТИШИНЫ

Сердце Алисы провалилось куда-то в пятки, а потом с силой ударило в грудную клетку, заставив вздрогнуть. Она вжалась в дверной косяк, не в силах издать ни звука. Перед ней стоял Михаил Иванович, и его обычная отстранённость куда-то испарилась. Взгляд его был пристальным, тяжёлым, изучающим. Он смотрел не на неё, а сквозь неё, и в его глазах читалось не просто любопытство, а некое знание.

– В «Тишине» много пугающего, – парировал он, не меняя выражения лица. Его глаза скользнули за её спину, к зияющей дыре в стене. – Нашли что-нибудь? – повторил он свой вопрос, и теперь он прозвучал не как простая вежливость, а как требование. – Вы... вы меня напугали, – наконец выдохнула она, и голос прозвучал слабо и сипло.

Мысли в голове у Алисы метались, как перепуганные мыши. «Он знает. Он точно знает, что я слышала звуки. И что я нашла это дело. Что мне делать? Лгать?»

– Я... просто осматривалась, – попыталась она соврать, сжимая ремень сумки с злополучным делом так, что костяшки пальцев побелели. – Решила изучить планировку. А это... что это? – она кивнула в сторону пролома, пытаясь перевести стрелки.

– Это дыра. Старое здание. Все сыпется, – он произнёс это с убийственной простотой. – Вам не следовало сюда заходить. Это не ваша территория. Михаил Иванович медленно перевел взгляд на нее. Уголок его рта дрогнул в подобии улыбки, но в ней не было ни капли тепла.

– А чья? – не удержалась Алиса, чувствуя, как на смену страху приходит настойчивость. Ей нужно было понять, кто её противник.

– Ничья. Или чья-то. Трудно сказать, – он сделал шаг вперёд, и Алиса инстинктивно отпрянула, оказавшись снова в основном коридоре. Михаил Иванович вышел следом и с ощутимым усилием, но абсолютно бесшумно, прикрыл дверь в служебный проход. Щелчок замка прозвучал как приговор. – Вам лучше вернуться к работе. В архиве. Или в своей комнате. Уже вечер.

Он не стал её сопровождать. Он просто стоял и смотрел, как она, пятясь, отдаляется от него по коридору. Его фигура в потёртом ватнике, освещённая косыми лучами заходящего солнца, пробивавшимися через пыльное окно в конце зала, казалась монолитом, неотъемлемой частью этого мрачного места.

Алиса не оборачивалась, пока не дошла до двери архива. Только тогда она рискнула бросить взгляд через плечо. Коридор был пуст. Михаил Иванович исчез так же бесшумно, как и появился.

Она вновь заперлась в архиве, прислонилась лбом к прохладной деревянной поверхности двери и закрыла глаза. Тело дрожало мелкой дрожью. Это был не просто испуг. Это было осознание: за ней следят. Её действия не остаются незамеченными. И «Тишина» – это не просто заброшенное здание. Это место, у которого есть свой страж. И свои правила.

Первым порывом было собрать вещи и бежать. Сейчас же. Позвонить в такси, уехать и никогда не вспоминать об этом кошмаре.

Но потом она посмотрела на свою сумку, где лежало дело «П-13». «Рецепт №13». «Побочные эффекты в пределах прогноза». Фразы всплывали в памяти, вызывая холодную ярость. Что они здесь делали? Какие «эксперименты» ставил доктор Орлов? И почему кто-то до сих пор охраняет эти секреты?

Сбежать – значит признать поражение. Значит позволить «Тишине» и дальше хранить свою болезную тайну.

Она подошла к столу, достала дело и положила его перед собой. Страх постепенно трансформировался в нечто иное – в упрямую, несгибаемую решимость. Она не знала, что скрыва-

ется за той стеной. Не знала, кто такой на самом деле Михаил Иванович. Но она знала одно: она должна это выяснить.

«Тишина» дала ей свой первый урок: молчи и не лезь не в своё дело. Но Алиса была плохой ученицей. Она достала блокнот и ручку. Пришло время записать все, что она узнала. Все вопросы. Все странности.

Урок только начинался. И она была готова его усвоить.

ГЛАВА 5. ЛАБОРАТОРИЯ БУМАЖНОГО КОШМАРА

Алиса разложила перед собой на столе несколько листов из дела «П-13». Пыльный свет настольной лампы, которую она нашла в ящике, выхватывал из полумрака архива желтоватые листы, покрытые машинописным текстом и резкими, угловатыми подписями. Она чувствовала себя не архивариусом, а следователем, вскрывающим дело о преступлении, которое растянулось на годы.

Первые страницы были сухими отчетами. «Протокол №13. Фаза 1. Введение препарата «С-13» в контрольную группу». Далее шли столбцы с цифрами: артериальное давление, пульс, температура. Но затем тон менялся. Появлялись разделы: «Психоэмоциональные реакции», «Наблюдаемые отклонения». И здесь сухой язык науки сменялся леденящими душу описаниями.

«Пациент М. Жалуется на нарушение восприятия времени. Субъективно считает, что провел в палате не менее месяца (фактически – 3 дня)». «Пациент К. Испытывает слуховые галлюцинации. Утверждает, что слышит шепот из стен». «Пациент Л. Проявляет немотивированную агрессию с последующей апатией. Фиксируется тремор конечностей».

Алиса с трудом глотала. Она читала не медицинские записи, а описание чьего-то искусственно созданного ада. Эти люди не лечились. Их ломали. И самый ужас заключался в том, что все это было подано как хладнокровный научный эксперимент.

Она отложила отчеты и взяла следующий лист. Это был список. Несколько десятков фамилий, каждая с номером и датами. Ее взгляд сразу же выхватил знакомую фамилию: «Петров Иван Григорьевич. № 42. Зачислен 14.08.1985. Выбыл 29.08.1985». Тот самый пациент из пролога. «Выбыл» – какое удобное, безличное слово, скрывающее смерть.

Сердце Алисы сжалось. Она провела пальцем по списку, ощущая шершавую бумагу. Эти люди были подопытными кроликами. И, судя по всему, немногие из них покинули «Тишину» живыми.

Следующий документ заставил ее замереть. Это был не текст, а чертеж. Схематичное изображение какого-то аппарата, отдаленно напоминающего кресло стоматолога, но усыпанного датчиками, электродами и пробирками. В углу стояла подпись: «Установка для синхронизированного сенсорного воздействия. Чертеж 1-С». Алиса не была инженером, но общее назначение устройства угадывалось – это была машина для воздействия на человека. На его мозг. На его восприятие.

И тут ее взгляд упал на маленький, сложенный вчетверо листок, засунутый между страниц дела. Он был другого качества, более тонкий, как папиросная бумага. Она осторожно развернула его.

Это были рукописные заметки. Не официальный отчет, а сбивчивые, нервные записи, сделанные чернилами, которые в некоторых местах расплылись, будто от капель воды. Или пота.

«Сегодня видел, как медсестра Вера плакала в подсобке. Она тоже все видит. Но молчит. Мы все молчим. Мы соучастники». «Не могу больше. Сегодня был Петров. Кричал, что стены шепчут ему о смерти. Орлов доволен, говорит, что реакция идеальна. Какую идеальность он видит в этом аде?» * «Препарат С-13 нестабилен. Вызывает неконтролируемые побочные эффекты. Орлов игнорирует мои отчеты. Требуется увеличения дозировки».*

Алиса перевернула листок. На обороте, крупно и с таким нажимом, что ручка процарапала бумагу, было написано:

«Это не лечение. Это пытка. Мы создали монстра. Я больше не могу нести это в себе. Должен остановить его, пока не стало слишком поздно. Сегодня ночью попробую уничтожить

лабораторные журналы. Если что-то случится... пусть кто-нибудь узнает правду. Они убьют за это. Но молчать – хуже».

Подписи не было. Только инициалы, поставленные торопливо: «А.С.»

Алиса откинулась на спинку стула, чувствуя, как ком подкатывает к горлу. Перед ней лежало не просто доказательство преступления. Это было предсмертное признание. Исповедь человека, который пытался сопротивляться. И, судя по тому, что дело «П-13» все же уцелело, его попытка провалилась.

Она сидела, глядя в пустоту, и кусочки пазла начинали сходиться в ужасающую картину. Доктор Орлов и его сообщники ставили бесчеловечные эксперименты над людьми. Кто-то из сотрудников, «А.С.», пытался этому противостоять и, скорее всего, поплатился за это жизнью. А теперь она, Алиса, держала в руках их секрет. Секрет, который кто-то – будь то призраки прошлого или вполне реальные люди вроде Михаила Ивановича – готов был охранять любой ценой.

Она больше не сомневалась. Те звуки, что она слышала... это не было игрой воображения. «Тишина» не отпустила своих жертв. И теперь она не отпустит ее.

Алиса аккуратно сложила исповедь «А.С.» и спрятала ее в самый потайной карман своей сумки. Это была ее главная улика. Ее щит и ее проклятие.

Она посмотрела на грудку других дел, все еще лежавших в картотечном шкафу. Если «П-13» был только началом... что же скрывается в остальных?

Дверь в коридор оставалась закрытой. Но теперь она чувствовала, что стены архива стали прозрачными. Сквозь них на нее смотрели десятки глаз – тех, кто стал жертвой «Рецепта №13». И они ждали, что она сделает следующий шаг.

ГЛАВА 6. КОГДА ПРОСЫПАЕТСЯ ТИШИНА

Комната, выделенная Алисе, находилась на том же втором этаже, в противоположном крыле от архива. Она была аскетичной: железная кровать с промятой пружиной, тумбочка, платяной шкаф с пахнущей нафталином пустотой и раковина с одним единственным краном, из которого сочилась ржавая вода. Батарея, как и предупреждал сторож, была еле тёплой, и зябкая сырость медленно просачивалась под одежду, пробираясь к костям.

Алиса разложила на кровати свои вещи, создавая подобие личного пространства, но чувства дома или хотя бы временного пристанища это не вызывало. Казалось, сама комната отторгала любое проявление жизни. Она пыталась ужиться с вялой лапшой быстрого приготовления, но еда казалась безвкусной, а запах затхлости перебивал все.

Снаружи окончательно стемнело. Темнота за окном была не городской, подсвеченной фонарями, а абсолютной, густой, как чернила. Стоило выключить свет, и комната погружалась в кромешный мрак, где невозможно было разглядеть даже контуры собственной руки. Алиса оставила гореть настольную лампу, принесённую из архива. Её тусклый, желтоватый круг света был единственным островком безопасности в этом море тьмы.

Она легла в кровать, не раздеваясь, накрывшись тонким одеялом, которое пахло пылью и чужим потом. Сумка с делом «П-13» стояла на полу, прижатая к ножке кровати, чтобы она могла в любой момент дотронуться до нее.

Первые полчаса прошли в напряжённом ожидании. Она лежала, уставившись в потолок, и ловила каждый шорох. Но здание хранило молчание. Слишком идеальное молчание. В нем не было ни привычных ночных звуков – ни сверчков, ни шума машин, ни даже ветра. Была только абсолютная, давящая тишина, которая звенела в ушах.

И от этого звона в её сознании начали всплывать обрывки прочитанного. «Слышит шёпот из стен»... «Нарушение восприятия времени»... Она ворочалась, пытаясь отогнать навязчивые мысли. Это просто старое здание. Скрипы. Сквозняки. Ничего более.

Но потом тишина сменилась звуком.

Первый был едва уловимым – лёгкий, сухой шуршащий звук, будто по каменному полу коридора протаскивали мешок. Алиса замерла, превратившись в один большой слух. Сердце заколотилось где-то в горле.

Шуршание стихло. Затем, спустя несколько минут, послышались шаги.

Они были не быстрыми и не громкими. Это были медленные, размеренные, тяжёлые шаги. Они доносились из коридора, прямо за ее дверью. Тук... Тук... Тук... Каждый шаг отдавался глухим эхом в пустоте здания. Они приближались.

Алиса приподнялась на локте, ее дыхание перехватило. Она смотрела на щель под дверью, ожидая увидеть тень. Но там была только тьма.

Шаги поравнялись с её дверью... и прошли дальше. Она услышала, как они удаляются по коридору. Выдох, которого она сама не осознавала, вырвался из ее груди. «Михаил Иванович? Обход?» – попыталась она найти логичное объяснение.

Но шаги не ушли. Они замерли где-то в отдалении. И спустя минуту снова послышались. Теперь они возвращались. Снова тот же неторопливый, неумолимый ритм. Тук... Тук... Тук...

Они снова поравнялись с её дверью. И на этот раз остановились.

Алиса не дышала. Все её существо было сосредоточено на двери. Ей казалось, она чувствует присутствие по ту сторону. Чью-то тяжёлую, неподвижную фигуру.

И тогда дверная ручка медленно, с громким скрипом повернулась.

У нее не было сил крикнуть. Она вжалась в матрас, смотря на то, как бронзовая ручка проворачивается до упора, а потом так же медленно возвращается на место. Замок не щелкнул. У нее был ключ, она заперлась изнутри.

Кто-то просто проверял, заперта ли дверь.

Шаги снова затихли. Но ощущение присутствия не исчезло. Оно витало в воздухе, густое и нездоровое. Алиса сидела, обхватив колени, и дрожала мелкой дрожью. Прошло пятнадцать минут. Полчаса. Ничего.

И вот новый звук. На этот раз прямо в комнате.

Тихое, едва слышное дыхание.

Оно было не её. Оно доносилось из угла, из самого тёмного участка комнаты, куда не достигал свет лампы. Медленный, слегка хриплый вдох. Выдох.

Алиса медленно, с трудом повернула голову. В углу была только тень от платяного шкафа. Но дыхание продолжалось. Оно стало ближе. Теперь оно казалось всего в паре метров от кровати.

Она больше не могла это выносить. Собрав остатки воли, она рванулась к тумбочке, где лежал мобильный телефон. Руки тряслись так, что она едва могла удержать аппарат. Без сигнала. Конечно, без сигнала. Но в памяти телефона был номер Михаила Ивановича, который он дал ей «на крайний случай».

Она набрала его, прижимая трубку к уху и прислушиваясь к дыханию в комнате, которое, ей почудилось, затихло.

Гудки были долгими, мучительными. Наконец, на том конце подняли трубку.

– Я никуда не выходил из своей комнаты, – ответил он с ледяной уверенностью. – И вам не советую. Ночью в «Тишине» легко заблудиться. Или... встретить то, что лучше не встречать. Ложитесь спать. – Алло? – сиплый голос прозвучал громко в тишине. – М-Михаил Иванович? – прошептала она, заикаясь от страха. – Это Алиса... Я в своей комнате. – Что случилось? – его тон был спокойным, даже сонным. – Здесь... кто-то есть. В коридоре ходил. И... и в комнате дышит. – Она слышала, как её голос срывается на истерику. На той стороне провода наступила пауза. Слишком долгая. – Вам показалось, – наконец произнёс он. – Ночью в старых домах всегда много звуков. Скрипят балки. – Но ручку двери проверяли! – выдохнула она, чувствуя, как слезы подступают к глазам.

Раздались короткие гудки. Он положил трубку.

Алиса сидела на кровати с телефоном в руке, не в силах пошевелиться. Холодный ужас, липкий и плотный, как смола, сковал её. Он не стал ее успокаивать. Он не пообещал прийти и проверить. Он сказал: «Я никуда не выходил».

Значит, тот, кто ходил за дверью и проверял ручку... был не он.

А дыхание в комнате... Оно снова слышалось. Теперь прямо у изголовья ее кровати. Медленный, влажный выдох.

Она не оборачивалась. Она не могла. Она просто сидела, уставившись в стену перед собой, пока первые лучи утра не пробились сквозь грязное окно, не рассеяв кошмар и оставив после себя лишь леденящее душу знание: ночь в «Тишине» принадлежала не людям. И правила здесь диктовали не они.

ГЛАВА 7. ЛАБИРИНТЫ ЗАБВЕНИЯ

Утренний свет, бледный и нерешительный, едва пробивался сквозь слои пыли на окнах, но даже его было достаточно, чтобы рассеять самый жуткий из ночных кошмаров. Алиса стояла перед дверью в служебный коридор, сжимая в одной руке мощный фонарь, а в другой – тяжёлый металлический штатив, подобранный в архиве. Жалкое оружие против призраков, но хотя бы дающее иллюзию защиты.

Вчерашний ужас, липкий и холодный, все ещё сидел глубоко в костях, но теперь его теснило нечто иное – жгучее, ненасытное любопытство, переходящее в одержимость. Она должна была знать. Должна была понять, что за чудовищная машина была запущена в этих стенах и почему ее шепот до сих пор звучал в тишине.

Дверь поддалась с тихим, утробным скрипом. В потоке дневного света коридор предстал перед ней во всей своей удручающей реальности. Это была не просто заброшенная служебка; это была артерия, соединяющая прошлое с настоящим, и по ней, казалось, до сих пор текли ядовитые соки старых преступлений.

Пыль на полу, серая и бархатистая, была испещрена следами. Рядом с её собственными, мелкими отпечатками, чётко виднелись следы крупные, оставленные тяжёлой мужской обувью. Но были и другие... Смазанные, широкие полосы, будто что-то тяжёлое и мягкое волочили по полу, и цепочка странных, прерывистых пятен, тёмных и будто липких даже сейчас.

Алиса присела на корточки, стараясь дышать тише. Она провела пальцем у самого края одного из пятен. Пыль здесь была слегка слипшейся. Она посветила фонарём под углом – пятно казалось почти чёрным. Кровь? От одной этой мысли по спине пробежали мурашки.

Она двинулась дальше, следя за цепочкой следов. Они вели вглубь коридора, к той самой зияющей дыре в стене. При свете дня она казалась еще более чудовищной. Края пролома были не просто неровными; они были рваными, словно стену разорвали изнутри огромные когти или ломы. Запах, исходивший оттуда, стал отчётливее – едкая хлорка, перебивающая сладковатый, тошнотворный дух тления, и под ним – едва уловимый, но стойкий аромат озона, будто после мощного электрического разряда.

Но сегодня её целью была не эта дыра. Вчера, ослепленная страхом, она не разглядела противоположную стену. Теперь она направила на нее луч фонаря, медленно водя им сверху вниз. И увидела. Почти невидимый шов, прорезающий обшарпанные обои, образующий идеальный прямоугольник. Потайная дверь.

Она была мастерски замаскирована, но время сделало своё дело – краска на стене и на двери потрескалась по-разному, выдав контур. Алиса прижала ладонь к холодной поверхности, ища защёлку, кнопку, что угодно. Ее пальцы наткнулись на едва заметную неровность почти у самого пола. Небольшая, утопленная в стену металлическая пластина. Она нажала на нее, и раздался тихий, но отчётливый щелчок. Дверь отъехала в сторону на несколько сантиметров, издав шипящий звук, будто давно не смазанный механизм.

Сердце Алисы забилось чаще. Она толкнула дверь, и та бесшумно поползла в сторону, открывая чёрный провал. Воздух, хлынувший оттуда, был мёртвым, неподвижным и пах старыми книгами, озоном и чем-то химически – горьким.

Она шагнула внутрь и осветила пространство фонарём.

Это была не комната. Это был кабинет – лаборатория. Пространство было больше, чем она ожидала. Стеллажи, заставленные приборами, чьи стеклянные глаза – индикаторы давно потухли. Столы, заваленные чертежами и журналами. Стеклянные шкафы с рядами пробирок, некоторые из которых были разбиты, и их содержимое давно высохло, оставив на полках бурые подтеки.

В центре комнаты, под холщовым чехлом, угадывалась массивная конструкция. Алиса, затаив дыхание, дёрнула за ткань. Чехол с шуршанием сполз, подняв облако пыли. Перед ней предстало то самое кресло. Точная копия чертежа из дела «П-13». Кожаное, с массивными ремнями на руках и ногах, с чашечками для головы, от которых отходили остатки проводов и электродов. Оно выглядело как гибрид стоматологического и электрического стула, и его вид вызывал физическую тошноту.

Алиса отвернулась, чувствуя, как сжимается желудок. Её взгляд упал на главный стол, стоящий у стены. Он был завален бумагами. Она подошла ближе, смахнула слой пыли с настольной лампы и щёлкнула выключателем. Чудом, лампа мигнула и загорелась, бросив желтоватый свет на столешницу.

Первое, что она увидела, – толстая папка с грифом «**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**». На ней было написано: «Протокол №13. Окончательные отчёты. 1985-1989».

Руки ее слегка дрожали, когда она открыла папку. Первый же документ заставил кровь застыть в жилах. Это было официальное письмо, отпечатанное на бланке, с водяными знаками и гербовой печатью. Оно было адресовано «Нач. отдела специальных исследований д-ру В.С. Орлову» и подписано генералом КГБ. В нем говорилось о «перспективах применения методики управления психикой для нужд государственной безопасности», «обработке асоциальных элементов» и содержался приказ «ускорить работы в свете растущих международных напряжений».

Значит, это была не самодеятельность Орлова. Это была санкционированная сверху, хорошо финансируемая государственная программа. Монстр был создан по приказу.

Она лихорадочно перебирала документы. Отчёты о «прогностике», графики с показателями «подавления воли» и «внедрения команд», заключения о «необратимых изменениях психики». Сухой, казённый язык лишь усиливал ужас. А затем – последний документ. Приказ о «немедленном прекращении всех работ по Программе 13 в связи с непредсказуемостью побочных эффектов, утерей контроля над объектами и инцидентами с персоналом». Дата – октябрь 1989 года. Как раз тогда Орлов и исчез.

В углу комнаты стоял небольшой, но массивный сейф. Дверца его была закрыта. Алиса потянула за ручку – заперто. Она уже хотела отойти, но ее взгляд упал на ключ. Обычный, старомодный ключ, висящий на маленьком гвоздике рядом с сейфом, почти невидимый в тени. «Прятать на виду», – мелькнула у нее мысль.

Она взяла ключ. Он с трудом, но повернулся в замке. Глухой щелчок отозвался эхом в тихой комнате. Дверца сейфа открылась.

Внутри лежали несколько толстых папок. Алиса взяла верхнюю. На обложке было написано: «Личные дела сотрудников. Допуск №1».

Она открыла папку. Первое же дело было заведено на нее саму: «Волкова Алиса Сергеевна (архивариус)». В нем была её же собственная анкета, копия трудового договора. «Значит, меня ждали», – с холодком в душе подумала она и отложило дело в сторону. Она искала другое имя.

И нашла. Дело «Светлов Антон Сергеевич (лаборант)». В нем была его фотография – молодой человек с умными, немного наивными глазами и упрямым подбородком. Анкета, трудовая книжка с записями о повышении. И последняя, резкая запись: «Уволен по статье 88 УК РСФСР (разглашение государственной тайны). 1989 г.»

Антон Светлов. Тот самый «А.С.», чья исповедь была спрятана в деле «П-13». Теперь у неё было полное имя.

Алиса аккуратно положила его дело в свою сумку. Она осмотрела комнату еще раз. На краю стола, рядом с креслом, лежал кожаный журнал. Последняя запись в нем была датирована 12 октября 1989 года. Почерк был неровным, торопливым, почти нечитаемым:

«Все кончено. Светлов попытался уничтожить журналы. Его устранили. Но он был прав. Мы потеряли контроль. Они не просто умерли. Они остались здесь. В стенах. В проводах. В самой тишине. Препарат С-13 не просто ломает разум... он привязывает его к месту. Мы создали не оружие. Мы создали ад. И теперь он поглотит нас всех. Они уже стучат в дверь...»

Подпись: «Орлов».

Алиса медленно опустила журнал. Она обернулась и посмотрела на стены лаборатории. Раньше они казались ей просто холодными и грязными. Теперь же ей почудилось, что они смотрят на нее. Что в самой штукатурке, в толще бетона, замурованы не просто кости, а души. Искалеченные, сломанные души, ставшие частью этого места.

Она поспешно вышла из лаборатории, захлопнув за собой потайную дверь. Но знание, которое она унесла с собой, было тяжелее любого сейфа. «Тишина» была не просто haunted. Она была заражена. Заражена чудовищным экспериментом, который вышел из-под контроля и создал нечто новое, ужасное и до сих пор живое.

Утренний свет, бледный и нерешительный, едва пробивался сквозь слои пыли на окнах, но даже его было достаточно, чтобы рассеять самый жуткий из ночных кошмаров. Алиса стояла перед дверью в служебный коридор, сжимая в одной руке мощный фонарь, а в другой – тяжёлый металлический штатив, подобранный в архиве. Жалкое оружие против призраков, но хотя бы дающее иллюзию защиты.

Вчерашний ужас, липкий и холодный, все ещё сидел глубоко в костях, но теперь его теснило нечто иное – жгучее, ненасытное любопытство, переходящее в одержимость. Она должна была знать. Должна была понять, что за чудовищная машина была запущена в этих стенах и почему ее шепот до сих пор звучал в тишине.

Дверь поддавалась с тихим, утробным скрипом. В потоке дневного света коридор предстал перед ней во всей своей удручающей реальности. Это была не просто заброшенная служебка; это была артерия, соединяющая прошлое с настоящим, и по ней, казалось, до сих пор текли ядовитые соки старых преступлений.

Пыль на полу, серая и бархатистая, была испещрена следами. Рядом с её собственными, мелкими отпечатками, чётко виднелись следы крупные, оставленные тяжёлой мужской обувью. Но были и другие... Смазанные, широкие полосы, будто что-то тяжёлое и мягкое волочили по полу, и цепочка странных, прерывистых пятен, тёмных и будто липких даже сейчас.

Алиса присела на корточки, стараясь дышать тише. Она провела пальцем у самого края одного из пятен. Пыль здесь была слегка слипшейся. Она посветила фонарём под углом – пятно казалось почти чёрным. Кровь? От одной этой мысли по спине пробежали мурашки.

Она двинулась дальше, следя за цепочкой следов. Они вели вглубь коридора, к той самой зияющей дыре в стене. При свете дня она казалась еще более чудовищной. Края пролома были не просто неровными; они были рваными, словно стену разорвали изнутри огромные когти или ломы. Запах, исходивший оттуда, стал отчётливее – едкая хлорка, перебивающая сладковатый, тошнотворный дух тления, и под ним – едва уловимый, но стойкий аромат озона, будто после мощного электрического разряда.

Но сегодня её целью была не эта дыра. Вчера, ослепленная страхом, она не разглядела противоположную стену. Теперь она направила на нее луч фонаря, медленно водя им сверху вниз. И увидела. Почти невидимый шов, прорезающий обшарпанные обои, образующий идеальный прямоугольник. Потайная дверь.

Она была мастерски замаскирована, но время сделало своё дело – краска на стене и на двери потрескалась по-разному, выдав контур. Алиса прижала ладонь к холодной поверхности, ища защёлку, кнопку, что угодно. Ее пальцы наткнулись на едва заметную неровность почти у самого пола. Небольшая, утопленная в стену металлическая пластина. Она нажала на нее, и

раздался тихий, но отчётливый шелчок. Дверь отъехала в сторону на несколько сантиметров, издав шипящий звук, будто давно не смазанный механизм.

Сердце Алисы забилося чаще. Она толкнула дверь, и та бесшумно поползла в сторону, открывая чёрный провал. Воздух, хлынувший оттуда, был мёртвым, неподвижным и пах старыми книгами, озоном и чем-то химически – горьким.

Она шагнула внутрь и осветила пространство фонарём.

Это была не комната. Это был кабинет – лаборатория. Пространство было больше, чем она ожидала. Стеллажи, заставленные приборами, чьи стеклянные глаза – индикаторы давно потухли. Столы, заваленные чертежами и журналами. Стеклянные шкафы с рядами пробирок, некоторые из которых были разбиты, и их содержимое давно высохло, оставив на полках бурые подтеки.

В центре комнаты, под холщовым чехлом, угадывалась массивная конструкция. Алиса, затаив дыхание, дёрнула за ткань. Чехол с шуршанием сполз, подняв облако пыли. Перед ней предстало то самое кресло. Точная копия чертежа из дела «П-13». Кожаное, с массивными ремнями на руках и ногах, с чашечками для головы, от которых отходили остатки проводов и электродов. Оно выглядело как гибрид стоматологического и электрического стула, и его вид вызывал физическую тошноту.

Алиса отвернулась, чувствуя, как сжимается желудок. Её взгляд упал на главный стол, стоящий у стены. Он был завален бумагами. Она подошла ближе, смахнула слой пыли с настольной лампы и щёлкнула выключателем. Чудом, лампа мигнула и загорелась, бросив желтоватый свет на столешницу.

Первое, что она увидела, – толстая папка с грифом «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО». На ней было написано: «Протокол №13. Окончательные отчёты. 1985-1989».

Руки ее слегка дрожали, когда она открыла папку. Первый же документ заставил кровь застыть в жилах. Это было официальное письмо, отпечатанное на бланке, с водяными знаками и гербовой печатью. Оно было адресовано «Нач. отдела специальных исследований д-ру В.С. Орлову» и подписано генералом КГБ. В нем говорилось о «перспективах применения методики управления психикой для нужд государственной безопасности», «обработке асоциальных элементов» и содержался приказ «ускорить работы в свете растущих международных напряжений».

Значит, это была не самодеятельность Орлова. Это была санкционированная сверху, хорошо финансируемая государственная программа. Монстр был создан по приказу.

Она лихорадочно перебирала документы. Отчёты о «прогрессе», графики с показателями «подавления воли» и «внедрения команд», заключения о «необратимых изменениях психики». Сухой, казённый язык лишь усиливал ужас. А затем – последний документ. Приказ о «немедленном прекращении всех работ по Программе 13 в связи с непредсказуемостью побочных эффектов, утерей контроля над объектами и инцидентами с персоналом». Дата – октябрь 1989 года. Как раз тогда Орлов и исчез.

В углу комнаты стоял небольшой, но массивный сейф. Дверца его была закрыта. Алиса потянула за ручку – заперто. Она уже хотела отойти, но ее взгляд упал на ключ. Обычный, старомодный ключ, висящий на маленьком гвоздике рядом с сейфом, почти невидимый в тени. «Прятать на виду», – мелькнула у нее мысль.

Она взяла ключ. Он с трудом, но повернулся в замке. Глухой шелчок отозвался эхом в тихой комнате. Дверца сейфа открылась.

Внутри лежали несколько толстых папок. Алиса взяла верхнюю. На обложке было написано: «Личные дела сотрудников. Допуск №1».

Она открыла папку. Первое же дело было заведено на нее саму: «Волкова Алиса Сергеевна (архивариус)». В нем была её же собственная анкета, копия трудового договора. «Значит,

меня ждали», – с холодком в душе подумала она и отложило дело в сторону. Она искала другое имя.

И нашла. Дело «Светлов Антон Сергеевич (лаборант)». В нем была его фотография – молодой человек с умными, немного наивными глазами и упрямым подбородком. Анкета, трудовая книжка с записями о повышениях. И последняя, резкая запись: «Уволен по статье 88 УК РСФСР (разглашение государственной тайны). 1989 г.»

Антон Светлов. Тот самый «А.С.», чья исповедь была спрятана в деле «П-13». Теперь у неё было полное имя.

Алиса аккуратно положила его дело в свою сумку. Она осмотрела комнату еще раз. На краю стола, рядом с креслом, лежал кожаный журнал. Последняя запись в нем была датирована 12 октября 1989 года. Почерк был неровным, торопливым, почти нечитаемым:

«Все кончено. Светлов попытался уничтожить журналы. Его устранили. Но он был прав. Мы потеряли контроль. Они не просто умерли. Они остались здесь. В стенах. В проводах. В самой тишине. Препарат С-13 не просто ломает разум... он привязывает его к месту. Мы создали не оружие. Мы создали ад. И теперь он поглотит нас всех. Они уже стучат в дверь...»

Подпись: «Орлов».

Алиса медленно опустила журнал. Она обернулась и посмотрела на стены лаборатории. Раньше они казались ей просто холодными и грязными. Теперь же ей почудилось, что они смотрят на нее. Что в самой штукатурке, в толще бетона, замурованы не просто кости, а души. Искалеченные, сломанные души, ставшие частью этого места.

Она поспешно вышла из лаборатории, захлопнув за собой потайную дверь. Но знание, которое она унесла с собой, было тяжелее любого сейфа. «Тишина» была не просто haunted. Она была заражена. Заражена чудовищным экспериментом, который вышел из-под контроля и создал нечто новое, ужасное и до сих пор живое.

ГЛАВА 8. ТЕНИ ПРОШЛОГО

Возвращение в архив после находок в лаборатории было похоже на возвращение из другого измерения. Обычная пыль на стеллажах, знакомый запах старой бумаги – все это казалось теперь бутафорией, ширмой, за которой скрывался настоящий, дышащий ужасом мир «Тишины».

Алиса разложила на столе дело Антона Светлова. Молодое лицо на фотографии, сделанной, судя по дате, в год его устройства на работу, смотрело на неё с открытым, почти восторженным выражением. Выпускник медицинского института, подающий надежды биохимик. В его трудовой книжке пестрели записи о премиях, благодарностях, повышении оклада. А потом – резкая, финальная запись черными чернилами: «Уволен по статье 88 УК РСФСР...» Разглашение государственной тайны. Приговор – десять лет лагерей. Но что с ним стало после? Умер ли он в тюрьме? Выжил?

Исповедь, которую она нашла, была написана человеком, находящимся на грани отчаяния. Но в деле не было ни следов суда, ни приговора. Только сухая кадровая пометка. Значит, все было спущено на тормозах? Или... или его «устранили», как написал Орлов, без лишнего шума?

Она нашла его последний известный адрес: город Зареченск, улица Ленина, дом 15, кв. 24. Всего пятьдесят километров от санатория. Поездка туда была безумием. Она понимала это. Но это было единственной зацепкой, ниточкой, ведущей из лабиринта ужаса к хоть какой-то человеческой реальности.

Решение созрело быстро. Собрав в рюкзак самые важные документы – дело «П-13», исповедь «А.С.», дело Светлова и несколько вырванных из лабораторного журнала страниц, – она вышла из архива. Ей нужно было добраться до Зареченска, найти хоть какие-то следы.

– Будьте осторожны, Алиса Сергеевна. В городе тоже бывают... сквозняки. Застудить можете не только горло. Михаил Иванович, как будто поджидая ее, стоял у главного входа, куря самокрутку. Его фигура на фоне мрачного фасада казалась неотъемлемой частью пейзажа. – В город? – спросил он, выпустив струйку дыма. Его глаза, узкие щелочки, изучали ее с невозмутимым спокойствием. – Да, – коротко бросила Алиса, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Дела? – уточнил он. – Личные, – солгала она, уже проходя мимо. Он не стал ее останавливать. Лишь проводил долгим, тяжелым взглядом и произнес ей вслед, почти бесстрастно:

Эти слова прозвучали как откровенная угроза. Она не обернулась, чувствуя, как его взгляд впивается ей в спину. Она почти бежала по аллее, пока не вышла на пустынную дорогу. До автобусной остановки – три километра пешком. Каждый шорох в лесу заставлял ее вздрагивать.

Автобус пришел лишь через час. Зареченск встретил ее унылой серостью панельных домов и скудным уличным движением. Городок был похож на сотни других, выцветших и забытых. Улица Ленина, дом 15 – обычная «хрущевка» с облупившейся краской и кривыми балконами.

– Из той вашей психушки! Из «Тишины»! – женщина почти выкрикнула это слово, и ее голос задрожал. – Уволили его, да не просто. Он вернулся... другим. Не в себе. Все шептался, говорил, что за ним следят, что стены шепчут. Потом... потом его нашли. В гараже. Официально – сердечный приступ. Но я-то знаю! – она понизила голос до шепота, ее глаза расширились. – Они его убили. Те, с кем он работал. Он что-то знал. Что-то страшное. Алиса поднялась на второй этаж. У квартиры 24 не было звонка. Она постучала. Внутри слышались нерешительные шаги, щелчок дверного глазка. Дверь приоткрылась на цепочке. В щели виднелось лицо пожилой женщины с усталыми, испуганными глазами. – Я... я ищу Антона Светлова, – сказала Алиса, стараясь звучать как можно мягче. Женщина покачала головой,

ее лицо исказилось гримасой то ли горя, то ли страха. – Его нет. Антона нет давно. Он умер. Алиса почувствовала, как у нее подкашиваются ноги. Последняя надежда рухнула. – Когда? Как? – выдохнула она. – В девяностые. Сразу после того, как вернулся. – Вернулся? Откуда?

– Историю... Лучше бы вы это место сровняли с землей. Там ничего хорошего нет. Только смерть. – И с этими словами она захлопнула дверь. Алиса стояла, не в силах вымолвить ни слова. Исповедь «А.С.» оказалась пророческой. Его убили. «Устранили», как и написал Орлов. – А родственники? Жена, дети? – наконец спросила она. – Какая жена? Он после того места и смотреть на людей боялся. Один он был. Совсем один. – Женщина посмотрела на Алису с внезапной подозрительностью. – А вы кто ему? Зачем вам это? – Я... я изучаю историю санатория, – соврала Алиса. – Архивная работа. Женщина фыркнула.

Алиса медленно спустилась по лестнице. Она стояла в подъезде, прислонившись к холодной стене, и пыталась осмыслить услышанное. Антон Светлов был убит. Его предсмертная исповедь оказалась правдой. И теперь она, Алиса, держала в руках те же знания, которые стоили ему жизни.

Она вышла на улицу, и тут ее взгляд упал на мужчину. Он стоял на другой стороне улицы, прислонившись к темной «Волге» старого образца. Высокий, в длинном темном пальто, с лицом, не выражавшим никаких эмоций. И он смотрел прямо на нее.

Их взгляды встретились. Мужчина не отвел глаз. Не сделал ни одного движения. Он просто смотрел. Холодная волна страха накатила на Алису. Это не было паранойей. Это была реальность.

Она резко развернулась и быстрым шагом пошла по улице, стараясь не бежать. Она обернулась на первом же углу – мужчина шел за ней, его длинные ноги легко сокращали дистанцию. Она свернула в первый попавшийся переулок, почти побежала. Шаги за спиной участились.

Выбежав на оживленную улицу, она ринулась в первую же открытую дверь. Это было полупустое кафе с липкими столиками и запахом старого масла. Она рухнула на стул у окна и, стараясь дышать ровнее, смотрела на улицу. Мужчина в пальто прошел мимо, не замедляя шага. Но она знала – это не конец.

До автобуса обратно оставался час. Она достала телефон. Нужно было кому-то рассказать. Но кому? Кто поверит в историю о засекреченных экспериментах, убитых лаборантах и призраках в стенах? Она открыла мессенджер и написала короткое сообщение своей подруге-журналистке, с которой вместе училась в университете: «Кать, если со мной что-то случится, проверь санаторий «Тишина». Ищи дело «Протокол №13». Это важно».

«Пока жива, – отписала Алиса. – Не могу объяснить. Просто запомни». Ответ пришел почти мгновенно: «Аля, ты в порядке? Где ты? Что происходит?»

Она вышла из кафе, озираясь. Темной «Волги» и мужчины нигде не было видно. Она добралась до автобуса, села у окна и не отрывала взгляда от улицы, пока автобус не тронулся и Зареченск не начал уплывать за горизонт.

Обратная дорога показалась вечностью. Когда автобус наконец высадил ее на знакомой остановке у леса, уже сгущались сумерки. Она почти бегом бросилась по дороге к «Тишине». Теперь это место, как ни парадоксально, казалось единственным убежищем. По крайней мере, здесь она знала врага в лицо. Или в стене.

Но убежище оказалось оскверненным. Дверь в ее комнату была приоткрыта. Алиса толкнула ее и замерла на пороге.

Комната была перевернута вверх дном. Матрас на кровати был вспорот, вещи из шкафа валялись на полу, тумбочка перевернута. Кто-то провел здесь тщательный, методичный обыск. Она бросилась к своей сумке, которую спрятала под кроватью. Ее вытащили и вытряхнули. Папки с документами из архива были разбросаны, но на месте. Кроме одной.

Дело Антона Светлова исчезло.

Алиса стояла посреди хаоса, смотря на разгромленную комнату. В ушах стоял звон. Они не просто следили за ней. Они были здесь. Они знали, что она искала. И теперь они дали ей понять: игра началась. И они забрали ее первую фигуру.

Она подошла к окну и посмотрела на темнеющий лес. Где-то там, в наступающей ночи, за ней следили. И «Тишина», полная своих собственных ужасов, вдруг показалась ей гигантской клеткой, а она – мышкой, которую загнали в угол и теперь готовились прижать.

Но мышь, загнанная в угол, кусается. Алиса сжала кулаки. Они забрали дело. Но не знание. Не решимость.

Она зажгла свет, заперла дверь на ключ и, отодвинув обломки мебели, села на пол. Она достала из внутреннего кармана куртки ту самую, самую важную исповедь «А.С.», которую носила при себе. Они не нашли ее.

«Хорошо, – подумала она, глядя на исписанный листок. – Вы хотите играть? Будем играть».

Ночь обещала быть долгой. Но на этот раз Алиса не собиралась просто ждать. Она была готова идти в атаку.

ГЛАВА 9. НОЧЬ ОБРЕТЕННОГО ШЕПОТА

Тишина в перевёрнутой комнате была звенящей, натянутой, как струна перед разрывом. Алиса стояла посреди хаоса, и страх медленно, неотвратно превращался в нечто иное – в холодную, ясную ярость. Они вломились в её пространство. Осквернили его. Украли часть правды. Но они ошиблись, думая, что запугают её. Этот беспорядок, это нарушение личных границ стали последней каплей. Бежать? Некуда. Смириться? Не в ее характере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.